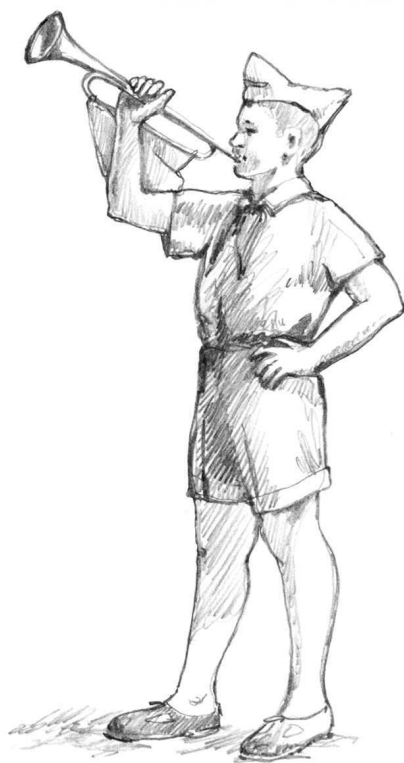

СОВДЕТСТВО 2.
ПИОНЕРСКАЯ НОЧЬ

От автора

Вы держите в руках «Совдетство 2» — продолжение моей Книги о светлом прошлом. Она вышла год назад и вызвала большой интерес читателей, которые в своих письмах сразу же буквально потребовали, чтобы я сочинил вторую часть. Что ж, как выразился великий Пушкин: «На вот, возьми ее скорей!»

Думаю, успех первой книги связан не столько с достоинствами текста, хотя и без них не обошлось, сколько с особым отношением каждого человека к начальной поре своей жизни, неповторимой, яркой и скоротечной, словно восход солнца.

Детство — это родина сердца. Чьи слова? Кажется, мои, хотя, возможно, я их где-то когда-то встретил, затвердил, забыл и теперь вот вспомнил. С возрастом непорочно мудреешь от пережитого, увиденного и прочитанного.

Иногда из интереса я листаю книги, отмеченные разными премиями. Попадают сочинения и о детстве, прошедшем в Советском Союзе, в котором мне тоже довелось родиться и возмужать. От чтения некоторых текстов остается ощущение, что будущие литераторы выросли в стране, где их мучали, тиранили, терзали, унижали, пытая мраком безысходного оптимизма, глумливо-бодрыми пионерскими песнями, сбалансирован-

ным питанием и насильственным летним отдыхом. Оказываются, во дворе их нещадно лупили за вдумчивый вид или затейливую фамилию. Наверное, родившись чернокожими работягами в колониальном Конго, эти авторы были бы намного счастливее...

Если верить подобным пишущим фантазерам, в те жуткие годы, озадачив учителя неправильным вопросом про светлое будущее всего человечества — коммунизм, можно было остаться на второй год или даже отправиться в колонию для малолетних преступников. Ну, а тех вольнодумцев, кто отказывался ходить в уборную строем с песней, ждал пожизненный волчий билет.

Особенно страдали, как выясняется теперь, дети, прозябавшие в высших слоях советского общества. Страшные темные дела творились в просторных цеховских квартирах, на академических дачах и в недоступных артеках. Возможно, так оно там и было... Не знаю, не посещал. У меня, выросшего в общежитии Маргаринского завода, от советского детства и отрочества остались иные впечатления, если и не радужные, то вполне добрые и светлые.

«Совдетство 2» — книга о лете, о том, как во времена, когда я был пионером, детвора проводила большие каникулы. Я, например, отдыхал в обычном пионерском лагере «Дружба», что располагался близ платформы «Востряково» Павелецкой железной дороги. О нем я и написал в этой книге с памятной симпатией. А еще я ездил на Волгу, в Селищи — родные места моего неродного деда Жоржика... Ах, каким длинным, почти бесконечным было лето моего детства! Увы, время с возрастом ускоряется, хотя должно быть наоборот...

Сознаюсь, я пишу о своем «коммунистическом» детстве с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь

воплотить в языке тот далекий, утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом — со страной, где, устремляясь в будущее, так любили для скорости сокращать: «ликбез», «колхоз», «комсомол», «райком», «спортзал», «детсад», «совдетство»...

Сознаюсь, это очень непросто — воссоздавать ушедшее время: многое забылось, исказилось, покрылось домыслами, а что-то преобразилось под поздними впечатлениями до неузнаваемости. Публикуя год назад «Совдетство», я обратился к читателям с просьбой: если они обнаружат неточности, а то и откровенные ошибки, сообщить об этом автору по адресу:

yuripolyakov@inbox.ru

Многие откликнулись, и первая часть теперь переиздана с исправлениями, подсказанными вами, мои бдительные читатели! Не могу не назвать тех, кто нашел время отправить мне свои замечания. Вот их имена: Александр Бочаров, Марина Борисенко, Александр, не назвавший свою фамилию, Сергей Мельников, Павел Майоров-Самарчян, Владислав Дибров, Александр Посадков, Александр Бисеров, Александр Патратьев, Сергей Литовченко, Алиса из Петербурга, Л. Губанков, Ирина Долинина, Валентина Алексеева, Светлана Руненко, Тагир Махамадеев, Галина Пилипенко, Юрий Зеленский, Сергей Шатилин и другие. Многие предпочли остаться инкогнито, скромно отрекомендовавшись, например, «ваш читатель» или, скажем, «гуманитарий в штатском»...

Спасибо за помощь! Впрочем, моя просьба и электронный адрес остаются в силе касательно и «Совдетства 2»: замеченные ошибки, неточности, дружеские советы, дельная критика принимаются с благодарностью и будут учтены при подготовке переиздания.

А напоследок напомним мое давнее наблюдение: тем, кто не любит свое советское детство, и нынешняя Рос-

сия, вступившая в пору серьезных испытаний, категорически не нравится. Такая вот странная закономерность. Сознаю, люди, не любящие свою Родину, всегда вызывали у меня неприязненное чувство, объяснить которое лучше всего иносказанием. Давным-давно, в пионерском лагере, вожатый, учившийся на биолога, объяснял нам, что не все насекомые, садящиеся на цветы, собирают мед, хотя порой они внешне похожи на тружениц-пчел. Это мимикрия. Подделка. На самом деле они просто любят сладкое, ничего не желая отдавать взамен... Думаю, моя аллегория весьма прозрачна и понятна.

*Юрий Поляков,
Переделкино, июль 2022 г.*

ПРИРОДА ШЕПЧЕТ

повесть

... По четвергам я хожу в изостудию Дома пионеров Первомайского района. Это на Спартак-овской площади рядом с кинотеатром «Новатор», занимающим первый этаж нового кирпичного здания, а к нему примыкает старинный дом мышино-го цвета — с куполом, огромными окнами разной формы и высокими колоннами, словно вросшими в стену. У входа, слева от тяжелой широкой двери с латунными ручками, висит мраморная плита, а на ней золотыми буквами выбито: «Здесь 30 августа 1918 года выступал перед рабочими сам Владимир Ильич». Отсюда он, между прочим, поехал на завод Михельсона, где в него стреляла подлая эсерка Каплан. Когда мы с классом ходили в Музей Ленина, я видел там в витрине черное пальто вождя: места, пробитые отравленными пуля-ми, помечены красными нитками — крест-накрест. Я иногда воображаю, как вырасту, изобрету машину времени, перене-сусь в прошлое, приду на митинг, протолкаюсь к вождю и тихо предупрежу:

— Владимир Ильич, не ходите на завод Михельсона, там засада!

— Что еще за глупости! — усмехнется бесстрашный Ле-нин. — Рабочие ждут. Я обещал. Непременно поедем!

Но бдительный Дзержинский, в длинной до пят шинели, нахмурится:

— Откуда, мальчик, у тебя такие сведения?

— Из будущего.

— Ты не ошибаешься?

— Исторический факт! — твердо отвечаю я. — Честное пионерское! — и отсалютую.

Ильич будет спасен, история пойдет другим путем (каким именно, надо еще придумать), а меня Феликс Эдмундович награждает именным оружием — золотым маузером с кобурой из карельской березы. У тети Вали есть шкатулка из этого дерева, очень красивая. Посмотреть на мои награды, когда я вернусь назад, в наше время, сбежится вся 348-я школа. Любоваться я разрешу всем, но подержать в руках маузер Железного Феликса позволю лишь моему другу Петьке Кузнецову и Шуре Казаковой.

...Какие только фантазии не приходят в голову, когда, сдав контрольную работу, сидишь за партой и, глядя в манящее школьное окно, ждешь звонок на перемену.

Руководит нашей изостудией Олег Иванович Осин, настоящий художник, бородатый, одетый в грубый свитер, синие брезентовые штаны и обутый в ботинки на толстой подошве. Иногда он останавливается у меня за спиной и, тяжело вздыхая, наблюдает, как я на ватмане пытаюсь карандашом изобразить гипсовое ухо, в моем исполнении напоминающее пельмень. От Осина веет пряным запахом иностранных сигарет — у нас в общежитии такие никто не курит. К нему порой заходят друзья-художники, одетые в такие же свитера и штаны. Посасывая душистые трубки, они хмуро разглядывают наши рисунки, изредка бросая: «Недурственно». Это у них самая высокая похвала.

Раз в месяц Олег Иванович читает нам лекции по истории искусства, чтобы мы Репина от Рублева отличали. Задернув плотные шторы на высоких окнах, он гасит свет и с помощью черного проектора, похожего на небольшой гиперболоид инженера Гарина, показывает на белой стене разные знаменитые картины, рассказывая попутно, кто их нарисовал и к како-

му направлению они относятся. Иногда Осин сначала предлагает нам угадать автора, проверяя эрудицию старших студийцев. Вот, например, на штукатурке появляется странное изображение: перекошенные человеческие лица, рогатые бычьи головы, оторванные руки-ноги, а нарисовано все это в детском стиле каля-маля.

— Пикассо! — радостно узнает восьмиклассник Марик Каплан (как он живет с такой фамилией?).

— Верно! Но только — Пикассо, — поправляет руководитель.

— Я тоже так могу нарисовать! — простодушно объявляет пятиклассница Даша Лунько.

— И я могу, — вздыхает Олег Иванович. — А толку?

Однажды он показал нам «Завтрак на траве» — и все захихикали, мальчики громко, девочки тихонько, в ладошку. Ну сами посудите, в лесу на лужайке в компании двух одетых дядек сидит совершенно голая тетя и смотрит на вас так, словно для нее позавтракать на природе в чем мать родила — дело обычное. Конечно, и у нас в общежитии тоже можно наткнуться на Светку Комкову, разгуливающую по коллективной кухне в распахнутом байковом халате и полупрозрачной комбинашке. Но чтобы вот так, без всего, на поляне, при всех — извините!

Услышав смех, Осин рассердился и долго, горячась, объяснял нам, что в искусстве обнаженное тело — это совсем не то что в жизни, на пляже или в бане, что великий Эдуард Мане нарочно поместил разоблаченную даму рядом с одетыми кавалерами, чтобы оттенить живую белизну кожи грубой фактурой коричневого сукна брюк и черным бархатом мужских курток, а заодно бросить вызов ханжеской буржуазной морали.

— Вы посмотрите, как написана зелень! Это же с ума сойти, а не трава! Видите голубой шелк, на котором она сидит? Какие переходы! Господи! Невероятные переходы! Нет, вы еще не понимаете! Вот поедем летом на этюды — тогда поймете! Теперь же просто запомните: Эдуард Мане, «Завтрак на траве». Не путать с Клодом Моне...